

Бермет Акаева: «Если бы не мой отец, нас могло бы ожидать худшее»

С Бермет Акаевой беседовал Мумин Шакиров,
Радио «Свобода»,
05.04.2006

Дочь Аскара Акаева Бермет, бывший депутат парламента республики, как и ее отец, тоже живет в Москве. В свое время Бермет Акаеву считали перспективным политиком. Кое-кто даже поговаривал о ее претензиях на президентское кресло. С Бермет Акаевой беседовал корреспондент Радио Свобода Мумин Шакиров.

Старшая дочь президента Аскара Акаева, летом прошлого года по решению Центральной избирательной комиссии республики была лишена депутатского мандата. Тем самым, она, как и отец, приостановила свою политическую деятельность в Киргизии. Но надолго ли?

Папа сейчас очень активно занимается наукой. Он работает в МГУ. Он занимается проблемами на стыке экономики и математики, то есть он для себя поставил точку в политике. Он сделал достаточно для страны. Кто бы как бы не судил сейчас об этом дома, но я, допустим, как человек, который непосредственно видел, как он работал, я знаю, что он сделал все возможное и невозможное.

Домой он вернется обязательно (это наша родина), когда будут более благоприятные условия для этого.

Каков ваш сейчас статус? Видите ли вы свое какое-то политическое будущее в Киргизии?

Сейчас у меня нет такого определенного статуса. Я была, к сожалению, лишена депутатского мандата из-за всех этих событий. Сейчас я занимаюсь научной деятельностью, если так

можно выразиться. Написала книгу недавно о событиях прошлого года, о причинах, о возможных последствиях. Небольшая книга буквально брошюрка. Заканчивая диссертацию о развитии гражданского общества в Кыргызстане. Пользуюсь вынужденным простоем, занимаюсь научной деятельностью.

Но, безусловно, я человек очень неравнодушный к тому, что происходит у нас в стране. Безусловно, я буду принимать какое-то активное участие в будущем жизни своей страны. В каком качестве – время покажет.

Вы хотите создавать партии и делать какие-то активные политические шаги?

Партия у нас есть, правда, ее пытаются закрыть сейчас, но, безусловно, есть партия. Есть единомышленники, соратники. Есть люди, у которых тоже много планов и идей.

Союзников у вас пока в Киргизии нет никаких, кто бы официально мечтал бы или желал бы вашего возвращения?

Я не знаю, опросов не проводилось среди элиты. Но отношение ко мне очень хорошее. Я регулярно бываю дома. Просто в связи с книгой некоторое время не была, а так очень хорошие отношения. Люди поддерживают. Те, с кем мы начинали в свое время партию, остались активными. Очень многие предприниматели, врачи, учителя активно поддерживают. В регионах, на местах.

Бермет Акаева убеждена, что год назад в Киргизии произошел государственный переворот, а не цветная революция. По понятным причинам она не готова говорить о серьезных ошибках, допущенных Аскарком Акаевым в экономической и социальной сфере.

В экономическом плане я как раз думаю, что если бы не мой отец, то нас могло ожидать еще более худшее. Потому что мы, да, конечно, очень бедная страна, но мы развивались, по сравнению со многими странами СНГ, намного динамичнее, намного успешнее. У нас было одно из самых, наверное, тяжелых положений стартовых, может быть, тяжелее было только у

Таджикистана и Армении. Мы третьими как бы с конца стояли. Но страна двигалась вперед. Пусть медленно, но, тем не менее, шло продвижение вперед.

Будете когда-нибудь президентом Киргизии?

Тяжело сказать. В нашем парламенте 75 человек – и ни одной женщины нет. Объективно говоря, женщине, конечно, тяжело. Пока таких планов для себя я не строю.

Нынешний президент Киргизии Курманбек Бакиев не раз поднимал вопрос о возвращении в государственную казну денег, украденных сторонниками и родственниками Аскара Акаева за время его правления. Бермет Акаева готова защитить честь семьи и в этом щекотливом вопросе...

Бизнес, интерес и так далее – это один из тез мифов, один из тех стереотипов, которые складываются, которые наша оппозиция навязывала на протяжении многих лет. Если вы интересуетесь этой темой, вы можете почитать заключение той комиссии, которая работала. Они там нашли что-то совершенно смехотворное – сколько-то квартир, сколько-то домов, которые, причем, еще не имеют к нам никакого отношения по большей части. Но, действительно, были какие-то бизнес-интересы, к сожалению, подробно об этом я говорить не могу.

Я не говорила, что события 24 марта обусловлены только клановым характером, нет. Выбор лидера и движения в значительной степени был этим продиктован, но людей собрали не так много – было 20 тысяч человек максимум на площади. Мы видели в последние дни, допустим...

Извините, люди совершили марш-бросок с юга на север.

Их везли. Это не был марш-бросок. Их везли организованно. Им пообещали землю. Им пообещали это оплатить. У нас в стране это превратилось в бизнес. Выход на митинг – минимум 100 сом, допустим. Когда-то это было 50 сом, а сейчас 100 сом. Это превратилось в своеобразный бизнес. Были целые группы людей,

которые занимались только поставкой, так сказать, людей. Хотя многие там были и те, кто пошли по каким-то идейным соображениям, те, кто, действительно, поддался лозунгам и призывам оппозиции. Безусловно, была большая часть людей, которая пошла по идейным соображениям. Но были люди подготовлены, были люди проплаченные, а были группы банд, сформированные криминалами, цель которых была нагнать что-то, захватить и так далее.

Все-таки ваш отец был у власти более 10 лет. Это огромный срок. Ему не удалось поднять экономический уровень до такой планки, чтобы народ не встал, или не выступила та элита, которая осталась недовольной. Вы не считаете, что за 10-12 лет можно было сделать гораздо больше?

Не считаю, потому что нет таких примеров в СНГ. Нет ни одной страны, которая продвинулась бы дальше, даже такие страны, которые имеют несравнимо больше, допустим, природных ресурсов. Если вы сравните казахское село, кыргызское село, вы не увидите большой разницы, потрясающей разницы между размерами экономик Кыргызстана или Казахстана. Нет ни одной страны СНГ, в которой бы бедные жили лучше, чем наши бедные.

То есть вашему отцу не повезло?

Не то, что не повезло. Объективно задача стояла очень трудная. Не было подготовленных кадров практически. Не было большого числа людей, как в России. Здесь была целая плеяда, целая когорта деятелей, которые имели представление о том, что такое рыночная экономика. У нас не было таких людей. Он все делал практически в одиночку, особенно первые годы. То, что наша страна была одной из наиболее продвинутых в демократическом плане, тоже значительно усложняло работу. Потому что сильный парламент всегда либо крайне оппозиционный, либо достаточно независимый. Авторитарному правителю, может быть, иногда легче просто силовым методом насадить определенные реформы. Но в долгосрочном плане, тем не менее, я считаю, что это было более правильным, чем режим, может быть, более личного властвования,

автократии, которая бы обеспечила, может быть, ему более легкую жизнь, но, с другой стороны, не создала бы институтов демократических, не создала бы институтов гражданского общества.

А не лучше было бы ему уйти раньше?

Он должен был уйти в октябре 2005 года. Истекал последний срок его правления. Он должен был уйти, но оппозиция понимала. Они очень слабо проявили себя на выборах. Они завоевали очень мало мест. Они понимали, что это их последний шанс. Они не стали дожидаться выборов, того момента, когда он объявит преемника – или не объявит, кто-то выдвинется сам. Поэтому они попытались это сделать в марте.